

ЛЮБОВЬ

Гафар ДЖАФАРЛИ

Писатель-публицист

Писатель-публицист Гафар Джафарли (Джафаров Гафар Ильтифат оглу) родился 7 марта 1957 года в Азербайджане, в городе Лянкяран. Юрист по специальности.

Со школьных лет занимается художественным творчеством.

Член Союза писателей Азербайджана и Союза журналистов Азербайджана. Автор девяти книг в детективном и других жанрах. По его произведениям сняты фильмы. Является лауреатом ряда медали. С 2019 года Президентский стипендиант.

В 2018 году удостоен диплома и золотой медали Международной академии наук исследований тюркского мира; а в 2022 году международной премии той академии за "Литературные заслуги тюркского мира" и международной литературной премии Союза писателей Азербайджана имени Самеда Бехранги.

В мае 2022 года увидела свет монография известного ученого-литературоведа и писателя Аллахверди Эминова "Творчество прозы Гафара Джафарли", посвященная его жизни и творчеству.

С августа 2020 года Гафар Джафарли является председателем Лянкяранского регионального отделения Союза писателей Азербайджана.

В семье нас было трое - два брата и сестра. Между мной, сестрой, которая была старше меня и младшим братом, было два года разницы в возрасте. Мой отец закончил профтехучилище по специальности экскаваторщика. Поэтому его отправляли работать в соседние районы. Он днями, а иногда неделями не приходил домой. Вся тяжесть семейных забот легла на хрупкие плечи моей матери. Вдобавок, совхозные работы, на которые людей вынуждали работать, никак не заканчивались. И те, кто слышал, как моя мать, засыпая ночью, стонет от болей в теле, думали, что она вот-вот скончается. А ее помощницей, "поддержкой" была моя сестра. Сестренка, кому не исполнилось и восьми лет, но рано повзрослевшая. Сестренка, которая на своих худеньких, узких плечиках несла всю непомерную тяжесть слов: "Ты уже взрослая девушка".

В тот год зима была суровой. Всюду было покрыто белоснежным покровом. С крыш домов свисали сосульки. Холод пробирал аж до костей. Событие, о котором я поведаю, произошло в один из тех холодных зимних дней.

Ранним утром, уходя на работу, мать велела сестре: "Разогреешь комнату детей". И сестра, бросившаяся выполнять должным образом распоряжение матери, в очередной раз наполнила печь дровами, принесенными ею на руках из вязанки хвороста на балконе. Дрова, собранные на потухающие угольки, дымясь, начали вновь воспламеняться. Сестра, сварив яйцо, терпеливо накормила нас завтраком, напоила чаем. Я и брат, каждый из нас играл с игрушками в сторонке. Сестра с одной стороны от тепла, а с другой от усталости заснула на месте. Все произошло в мгновение ока. От крика братишки мы вскочили с места. Сестренка с трудом смогла оттащить бьющегося на раскаленной печи ребенка. Вся кожа на лице, руках и ногах брата была в ожогах. Не знаем, сколько времени прошло, но за это время никто не услышал, как мы кричали, рыдали, никто не пришел нам на помощь.

Наверное, Аллах нас пожалел, что вернувшись с работы и узнав о трагедии брата мать не сошла с ума. У меня в ушах до сих пор слышен крик матери, увидевшей доносящиеся до небес крики и страдания брата. А те мгновения, как она упала без сознания, когда хотела взять на руки ребенка, как мы с сестренкой навалились на нее, как даже страдающий от невыносимых болей на теле братишка, обнимая ее, заорал, что есть силы: "Мама! Мама!" до сих пор стоят перед моими глазами, и, наверное, не сотрутся из

У матери спросили: - Кого из своих детей любишь больше?

Мать ответила: - Самого младшего - пока тот не вырастет, больного - пока тот не выздоровеет, находящегося вдали - пока тот не возвратится домой, и каждого из них - пока я дышу.

ВСЕЙ ЖИЗНИ

Светлой памяти моей матери

памяти до самой своей смерти. Из-за наших криков бессознательное состояние мамы продлилось недолго. Бедная женщина, еще не опомнившись, бросилась во двор, утопая в полуметровых сугробах, бегая взад-вперед, звала людей на помощь. Снова вернувшись домой, прижала к груди брата, у которого уже не осталось сил, и беспрерывно целовала его обгоревшее тельце. Брат, обнимая маму, плакал навзрыд. Я с сестрой, прекратив реветь, с изумлением смотрели на прижавшихся друг к другу матери и ребенку. Минуты спустя к нам явилась живущая по соседству тетя Сабия, одна из родственниц матери. По ее совету сначала раны брата натерли яичным белком, в последующие дни на обгоревшие участки ставили компресс из жидкости, полученной от коры чинары, смешанной с уксусом, раны были завернуты в сдавленные листья подорожника. Ввиду того, что у нас отсутствовала материальная возможность для лечения брата в больнице в Баку или райцентре, мы были вынуждены довольствоваться знахарским способом лечения. Раны брата заживались очень медленно. Но обгоревшие места, словно сваренные, покрылись необычным мясным покрывалом. А через некоторое время сосуды на обгоревших участках стали сужаться, и через одиннадцать месяцев после этого события...

В течение нескольких лет после смерти брата в нашей семье словно был наложен запрет на радость, веселье. Подобные чувства стали нам полностью чужды. Но недаром говорят: "Время лечит все страдания". Постепенно все вошло в свое русло, кроме мамы. Смех покинул лицо женщины, а сердце никак не радовалось. И на свадьбах она не могла сдерживать слез. А когда в этот момент она замечала на-

ше испортившееся настроение, то говорила: "Эх, дети, да я же от радости плачу", и этим старалась как-то приободрить нас. Мы все знали, что мать это говорит для того, чтобы успокоить нас...

Три года, как скончался отец. Смерть отца, который впал в кому после инсульта, кровоизлияния в мозг и в последующие десять дней не смог вымолвить ни слова, его такая смерть крайне огорчала маму. Бедная женщина все время твердила: "Мы обязаны Аллаху жизнью, но у меня лишь единственная просьба о том, чтобы я не ушла из этой жизни, лишившись дара речи". К горю моей матери добавилось еще одно. Я неоднократно бывал тому свидетелем, что бывая в одиночестве, мать беззвучно плачет. Слышал, что идя на траурные, поминальные собрания, она возносит молитвы по моему несчастному брату, по отцу. Несмотря на то, что я день и ночь ухаживал за ней, ее состояние все ухудшалось. Надо отлатить им должное, ни моя жена, ни мои дети, никогда не перечили ей. Всякий раз, когда я, возвращаясь домой, видел такое состояние матери или когда домашние сообщали мне о том, что она часами плакала в своей комнате, я обнимал, целовал и ласкал ее и спрашивал причину того, почему она так истязает себя. И каждый раз под каким-то предлогом она избегала ответа:

- Я же старая женщина, и сейчас моя жизнь связана с воспоминаниями. Я живу, вспоминая прошитое. Не обращая на меня внимания.

В последний раз, где-то месяц тому назад после долгих просьб и уговоров мать, наконец-то, открыла душу:

- Ты, сынок мой, умный. Ты никогда не заставлял меня краснеть. Я довольна тобою и всегда благославляла

тебя. Сынок, неизлечимая рана в моем сердце связана с твоим братом. Горе по нему будет у меня до последнего вздоха. До смерти буду нести с собой эту боль. Родить дитя - веление Аллаха, а оберегать его было моим долгом. Хотя бы у меня отянулись ноги, когда я шла на работу... Я не смогла защитить своего сыночка. Мой красавчик, мой сынок с ангельским личиком, ушел от меня. Как мне пережить такое горе, сынок? Такая мать, как я...

Слезы не дали ей досказать. Слезы, потекшие на полное морщин бархатное лицо моей матери, потекли оттуда на ее челюсть, шею. Ее наполненный страшной болью плач разрывал мне сердце. Я живо обнял ее и прижал к груди. Некоторое время мы с ней так и просидели, будто застыли на месте. Оторвавшись, я вытер ее слезы. Мать, немного успокоившись, продолжила:

- Еще и смерть твоего отца! Сынок, и ты, и твоя семья все делаете для меня, всячески ухаживаете за мной. Разве дело только в том, чтобы есть-пить, одеваться, отдыхать? Нет, сынок, равно как ты дорог для меня, так и твой отец также был моим задушевным другом, хранителем тайн, спутником по жизни. Ведь я же не могу говорить тебе то, что могла ему сказать. Кроме того, мы же с ним столько лет вместе делили ложе. Его душа сейчас во мне, в моей крови. Прости меня, сынок, прости, что я была вынуждена тебе сказать эти слова.

После долгих уговоров мать пообещала мне, что больше не будет плакать. Я знал, что она это сказала, чтобы успокоить меня. Потому что невозможно было не понять то, как каждый раз, обнимая меня, она, проводя рукой по моему телу, лаская найденные в ее воображении "места ран", прослезившимися глазами ласкала их и охала при этом. Я давно знал, что для матери я несколько лет уже не был любимым ребенком.

...Состояние матери часто менялось. Обследования показывали, что в ее здоровье серьезные проблемы, особенно в кровообращении и в сердечно-сосудистой системе. А лечение не давало должного эффекта. Несмотря на это я не прекращал обследования и лечения.

Хотя и был конец апреля, но весенняя красота радовала глаз. Все утопало в зелени, в цветах. Пестрые цветы на деревьях и кустарниках дарили душевную радость людям. Настроение матери тоже было неплохим, несмотря на подобную красоту природы. Во всяком случае, она сама так говорила. Как бы я этому ни радовался, однако весть о

том, что меня посылают в месячную служебную командировку в одну из зарубежных стран, испортила мне настроение. Если бы не совет матери, возможно, я отказался бы от этого.

- Езжай сынок, коли выпала такая возможность. И мир объездишь, и это послужит пользой для твоей работы. Ну а я, слава Богу, чувствую себя хорошо.

Я часто держал связь с семьей. Но после звонка, сделанного 6 мая, в день рождения моего отца, у меня потемнело в глазах. После очередных тошнотливых слез состояние моей матери ухудшилось и она впала в кому. Я так и не смог услышать голос матери.

Мое возвращение домой пришлось на одиннадцатое мая. Маму уложили в своей комнате, в постели, лицом в сторону Киблы. Врачи уже перестали давать ей лекарства. В комнате были сестра, пара близких родственников и ее лучшая подруга. Как только я зашел в комнату, моему взору предстало бледное, застывшее лицо матери, а ее глаза сразу же устались на меня. Хотя я был растроган, тем не менее, подавил в себе слезы, чтобы ее не мучить. Приблизившись к ней, сел на корточки, пригнулся и поцеловал ее глаза. Белки маминых глаз были неподвижны. Когда я вставал, заметил слезы матери, текущие из глаз в сторону ушей и смешавшиеся с ее белоснежными волосами. Своим платком я вытер глаза, щеки, начал ласкать ее волосы. В этот миг открылась дверь. В комнату вошла невестка моей сестры со своим двухмесячным ребенком. Сестра назвала своего внука в честь моего несчастного брата. Резвившийся в объятиях матери малыш словно хотел обнять упавшую и бьющуюся в предсмертной агонии "мать". Погода была жаркой, оттого на малыше были безрукавка и короткие шорты. Сестра, взрев ребенка на руки, нагнулась в сторону нашей мамы и прошептала ей в ухо:

- Мама, смотри, твой сын Бахтияр пришел тебя проводить.

Взгляд мамы устремился на протягивающего толстые ручки, "разговаривающего" отрывистыми, непонятными звуками малыша. Теплое, душистое дыхание ребенка придавало его личику удовлетворенное выражение. Внезапно она будто проснулась ото сна, ее глаза заблестели. Хотя и с трудом, но все же подняла правую руку вверх. Мама погладила его тельце, когда сверху ребенка приблизила к ней. На миг лицо женщины посетил свет, ее лик озарился радостным светом. Края глаз сузились и... она облокотилась на руку. Слезы и всхлипывания охватили всю комнату.

Полное радости глаза матери устались в неизвестную точку и застыли там. Ее лик, озаренный светом, был объят божественной любовью. Я понял, что ангельская душа моей матери, испытывающей радость от "исцелившихся" ран на теле своего несчастного сына, на последнем дыхании в умиротворенном состоянии покинула этот мир.